

Кирчанов Максим Валерьевич

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения
Воронежского государственного университета
maksymkyrchanoff@gmail.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГРУЗИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 1990-Х ГГ.

Аннотация:

Автор анализирует основные проблемы развития грузинского национализма в нестабильном обществе. Политический транзит и попытки демократизации оказали значительное влияние на грузинский национализм. Процессы постепенной этнизации и радикализации национализма начались в 1990-е гг. Политические движения регионов и рост осетинского и абхазского национализма содействовали радикализации грузинской националистической идеологии.

Ключевые слова: грузинский национализм, идентичность, интеллектуальное сообщество, националистическое воображение, концепты Другого.

На протяжении XX в. грузинский национализм развивался как своеобразная дихотомия, представленная политическими умеренными (гражданскими) и этническими (радикальными) трендами. В отличие от других европейских национализмов грузинский национализм практически не получил изучения в отечественной исторической и политической науке. Между тем проблематика, связанная с историей и современными трансформациями национализма в Грузии, относится к числу актуальных в силу сложных отношений между РФ и Грузией, вызванных военным конфликтом августа 2008 г. Сохранение напряженности в российско-грузинских отношениях, отсутствие дипломатических отношений, взаимные обвинения придают особую актуальность изучению грузинского национализма как одного из важнейших факторов в общественно-политической жизни современной Грузии. Не менее актуальным является изучение и исторических предпосылок современной ситуации, то есть истории грузинского национализма в 1990-е гг.

В период существования Советского Союза и Грузинской ССР в качестве одной из союзных республик этнические тренды искусственно сдерживались властями. Поэтому в советский период в рамках грузинского национализма доминировал гражданский политический дискурс, центральными идеями которого были защита статуса Грузии в составе СССР, отстаивание окцидентальной и европейской природы грузинской политической и культурной идентичности. Ситуация осложнялась тем, что Грузинская ССР, подобно некоторым другим советским республикам, была составной: в ее рамках своими автономиями обладали абхазы и осетины. Необходимость, точнее – осознание грузинскими интеллектуалами необходимости интегрировать осетин и абхазов в состав грузинской гражданской политической нации сочеталась с этническими трендами в рамках грузинского национализма. Развитие феномена грузинского национализма в транзитном социуме демонстрирует, что националистический феномен обладает значительным мобилизационным потенциалом. Вероятно, справедливы утверждения американского исследователя Крэйга Калхуна о том, что «разговоры о национализме не прекращаются на протяжении двух столетий, причем нередко встречаются заявления, что он свое уже отжил... жители Запада не только недооценили потенциал национализма... но они грезили о его исчезновении во всем мире» [1].

Развитие грузинского национализма в транзитном обществе, характеризующемся глубокими экономическими и социальными проблемами, протекало в условиях доминирования своеобразной атмосферы страха или политической озабоченности. Значительная часть грузинской политической и интеллектуальной элиты относится с опасением к РФ, видя именно в этом государстве, которое открыто поддержало в 2008 г. сепаратистские движения, важнейшую угрозу национальной безопасности и самому факту существования независимого грузинского государства. Именно среди того социального слоя, который в СССР именовался «интеллигенцией», было сосредоточено большинство теоретиков грузинского национализма. Комментируя особенности ситуации в транзитной Грузии, грузинский политолог Реваз Гачечеладзе в 1997 г. подчеркивал, что в стране существует «достаточно многочисленная и хорошо подготовленная интеллектуальная элита (или то, что принято называть «интеллигенцией»). Хотя она не представляет собой ни независимую политическую, ни, тем более, экономическую силу, ее влияние на общественное мнение неадекватно высоко» [2]. Немало представителей грузинской политической и культурной элиты полагало, что осетины и абхазы должны быть подвергнуты значительной интеграции в состав грузинского социума, что не исключало их вероятной полной ассимиляции с потерей языка и культуры. Большинство этнических проблем транзитная Грузия унаследовала от старого советского федерализма с присущим ему конфликтным потенциалом [3].

Именно поэтому на протяжении всего существования Грузинской ССР культивировался нарратив об изначальной дикости абхазов и осетин, о том, что они занимают исторические грузинские территории, а всеми своими достижениями обязаны прогрессивному влиянию со стороны грузин. До второй половины 1980-х гг. подобные дискуссии не выходили за рамки грузинских академических институций, но процессы перестройки и активизации национальных движений привели к росту не только грузинского, но также осетинского и абхазского национализмов [4]. Распад Советского Союза, вызванный, в том числе, и национальными проблемами, а также начало дезинтеграции РСФСР, где отдельные автономные республики провозгласили суверенитет, оказал самое неблагоприятное влияние на территориальную целостность Грузии, став, с другой стороны, мощным стимулирующим фактором для развития грузинского национализма.

Грузинская ССР была национальным проектом подобным другим национальным республикам. Комментируя особенности советской национальной политики в Закавказье (на примере Армянской ССР), Р.Г. Суни пишет: «Советский период был особенно важным в развитии осмысления государственности, реинтегрирующей армян из остального Советского Союза, Среднего Востока и других в крошечную республику вокруг Еревана, развивающую и поддерживающую армянскую интеллигенцию, урбанизирующую и индустриализирующую страну, распространяющую грамотность среди масс и обучение армянскому языку, институционализирующую армянскую культуру в ее приемлемую Советскую версию и предоставляющую армянам Закавказья все аспекты национальности, за исключением полного суверенитета в рамках их государства и самоопределения их будущего» [5]. Аналогичные процессы развивались и в Грузинской ССР, которые в значительной степени активизировались во второй половине 1980-х гг., а обретение Грузией независимости привело к возникновению новых тенденций в рамках грузинского национализма.

Появление на карте мира независимой Грузии было бы невозможно без развития политического принципа национализма. В связи с подобным триумфом национализма Э. Геллнер писал: «Новый мир, в котором национализм, то есть соединение государства с «национальной» культурой, стал общепринятой нормой, в корне отличается от старого, где это было явлением редким и нетипичным. Существует огромное различие между миром сложных, переплетенных между собой образцов культуры и власти, границы которых размыты, и миром, который складывается из единиц, четко отграниченных друг от друга, выделившихся по «культурному» признаку, гордящихся своим культурным своеобразием и стремящихся внутри себя к культурной однородности. Такие единицы, в которых идея независимости связана с идеей культуры, назы-

ваются «национальными государствами». В течение двух столетий, последовавших за Французской революцией, национальные государства стали нормой политической жизни» [6, с. 9].

Комментируя само появление на политической карте независимой Грузии, грузинский политолог Гиа Нодиа (გია ნოდია) полагает, что «Грузия характеризовалась дефицитом безопасности и нестабильностью с момента обретения вновь независимости в 1991 году» [7, с. 47]. Немецкий исследователь Й. Исенси указывает на то, что сложности раннего периода демократического транзита в Восточной Европе привели ряд государств к состоянию «экзистенциального кризиса» [8, р. 3], который вынудил местные элиты искать новые формы и модели существования, решения и урегулирования конфликтов. С другой стороны, процессы демократической консолидации в транзитном грузинском обществе протекали крайне неравномерно, что в значительной степени увеличивало число внутренних политических вызовов, с которыми предстояло столкнуться грузинской демократии на протяжении 1990–2000-х гг. Период национальной эйфории, идеализации национализма и национального государства, националистического движения с массовой поддержкой оказался непродолжительным.

Процесс институционализации грузинского государства протекал сложно, что было связано с ростом как грузинского (картвельского) национализма, так и альтернативных сепаратистских националистических проектов в Южной Осетии и Абхазии. Само появление независимой Грузии было воспринято как проявление национальной силы грузин и национальное освобождение. По мнению британского политолога Дж. Эйвса, «процесс консолидации режима в Грузии был самым трудным из всех закавказских республик и, вплоть до парламентских выборов 1995 года, был далек от завершения» [9]. Грузинская ССР, трансформировавшаяся после распада Советского Союза, из периферии в национальное (или национализирующееся) государство была составной периферией с тремя автономными республиками, где ведущая роль принадлежала грузинам, а принадлежность к грузинской нации ассоциировалась со знанием грузинского языка. Комментируя языковой фактор, Р.Г. Суни подчеркивает, что «язык превратился в ключевой признак отличия, а националистические интеллектуалы обострили различия, которые в прошлом в значительной степени были неподходящими» [10]. В условиях поиска модели политического развития, острого внутреннего конфликта между различными течениями в постсоветских элитах Грузии, этнического и военного конфликта с абхазскими и осетинскими сепаратистами в Грузии начался кризис старого гражданского политического национализма, на смену которому пришли этнизированные радикальные тренды. В этом контексте, вероятно, прав сербский политолог Душан Яныч, полагающий, что принципы «этнополитической мобилизации» и «этнической лояльности» [11, р. 102] к своему сообществу потеснили традиционные политические ценности правового государства. С другой стороны, Грузию, вероятно, нельзя интерпретировать в категориях «несостоявшегося государства». Грузинская модель демократизации и демократии на фоне восточного европейского опыта выглядит если не маргинально, то в значительной степени девиантно [12], особенно – на фоне некоторых государств Центральной Европы, которые в прошлом имели политический авторитарный опыт.

На территории Восточной Европы существуют государства, политический опыт Грузии в отношении которых, может быть интерпретирован в категориях «успешного», но со значительными региональными особенностями, транзита. Вероятно, в политическом отношении Грузия демонстрирует развитие феномена, который белорусский политолог Виталь Силицки определяет как «отложенная свобода» [13]. В стране, которая в 1990-е гг. столкнулась со значительными сложностями на волне демократизации и несоответствия предполагаемого уровня десоветизации со стороны интеллектуалов и тем уровнем, который показался достаточным для политических элит, национализм быстро утратил массовость, трансформировавшись в элитистское, но в значительной степени этнизированное и радикализированное движение. Проект политической консолидации с опорой на демократические ценности, которые в грузинском сознании традиционно ассоциировались с Западом, протекал в Грузии 1990-х гг. в неблагоприятных условиях. Именно поэтому, в отличие от целого ряда поставторитарных режимов в Восточной

Европе, грузинская модель демократии оказалась крайне нестабильной, подверженной внутренним вызовам, связанным с этническим национализмом.

Европейские исследователи также указывают на неблагоприятные условия для демократизации в Грузии. Кристоф Цюрхер полагает, что «слабость грузинского государства не является следствием лишь посткоммунистического переходного периода – она возникла даже раньше как институциональное наследие советской системы» [14, с. 123]. В период распада СССР грузинские политические элиты, которые к тому времени взяли на вооружение лозунги не только политического, но и этнического национализма, оказались не в состоянии контролировать всю территорию бывшей Грузинской ССР, институционализовав ее в качестве нового актора на международной арене – Республики Грузия. В результате Тбилиси контролировал лишь те территории, которые можно назвать грузинскими (картвельскими) и Аджарию, которая, подобно бывшим автономным республикам в составе РФ, значительно повысила свой статус. Вооруженные конфликты на территории Осетии и Абхазии, фактическая потеря для Тбилиси возможности контролировать эти территории привели к тому, что на протяжении 1990-х гг. в условиях политического транзита грузинский национализм подвергся значительной этнизации и радикализации.

Процесс демократизации и политического транзита в Грузии протекал более напряженно, чем на постсоветском пространстве в целом. Р.Г. Суни, анализируя перипетии политических перемен в Грузии, пишет: «Грузия представляет собой наиболее сложную картину. Это страна, которая сама себя разрушила, разорвала себя на куски в оргии шовинистического национализма, провоцируя, и в действительности подбадривая сецессионизм своих меньшинств и интервенцию России. Но при Шеварднадзе, который представляет собой огромный национальный ресурс международного значения, Грузия восстановила себя, приступив к строительству государственных институтов, ликвидации полувоенных организаций, пытаясь использовать Россию (с очень ограниченным успехом) в целях реинтеграции с Абхазией и Южной Осетией, и практикуя тип жесткой демократии. Исходя из того, где Грузия была в начале 1992 года, с горящим центром в Тбилиси и грузинами, убивающими грузин, достижение правительства Шеварднадзе является экстраординарным» [15].

Комментируя особенности посткоммунистических трансформаций Грузии, Роберт Леволд указывает на то, что «на протяжении практически всей истории существования Грузии как независимого государства мир и благополучие этой страны находились под угрозой: их подрывали конфликты с сепаратистами, в ходе которых дело доходило до применения силы. Незатухающие проблемы Абхазии и Южной Осетии затрагивают национальную безопасность напрямую, представляя собой угрозу территориальной целостности самого государства. Осложнил ситуацию и тот факт, что первые лидеры грузинского государства вели свою страну по пути перехода от советского прошлого к более современному политическому и экономическому порядку нерешительно, в результате чего страна оказалась слишком ослабленной и плохо подготовленной к решению тех проблем в области безопасности, с которыми ей пришлось столкнуться» [16, с. 3]. Вероятно, развитие грузинского национализма в условиях транзитного общества характеризуют три процесса – институционализация грузинской государственности с принятием новой Конституции и формированием новой политической националистической мифологии, институционализация национальных политических партий как носительниц идеологии грузинского национализма и значительная общая этнизация и радикализация идеологической программы грузинского национализма. После распада СССР грузинский национализм, став государствообразующей идеологией, был подвергнут институционализации. Грузинская Конституция была принята в 1995 г. – позже, чем основные законы в других государствах постсоветского пространства, что связано с напряженной политической борьбой и, как результат, более медленными темпами формирования грузинского политического пространства. Конституция была принята относительно поздно и по причине неясности статуса территории Южной Осетии и Абхазии, которые к середине 1990-х г. фактически не контролировались Тбилиси.

С другой стороны, фигурирование этих двух регионов в тексте Конституции было отчаянной попыткой правящих элит во главе с Э. Шеварднадзе консолидировать грузинский политический дискурс. Конституционная риторика и стремление положить именно ценности Конституции в основу консолидации грузинского общества ощутимых результатов на протяжении 1990-х гг. не принесла. Не принесли позитивных результатов и попытки властей консолидировать националистический дискурс, сделав ставку на лояльные тренды. Обеспечить лояльность со стороны грузинского национализма было крайне сложно: после фактической потери Южной Осетии и Абхазии грузинский националистический дискурс год от года подвергался радикализации и этнизации, опираясь на риторику, связанную с возвращениями абхазских и осетинских земель и проявляя крайне незначительные амбиции в деле ассимиляции меньшинств на территории, контролируемой Тбилиси.

Поэтому к концу 1990-х гг. интересы политических и интеллектуальных элит в Грузии оказались полярно противоположны. В то время, когда основной целью властвующих элит становится сохранение власти, интеллектуальное сообщество монополизирует идеи грузинского политического и этнического национализма [17]. В период активного национального движения во второй половине 1980-х, борьба за независимость в начале 1990-х и в ранней независимой Грузии, вероятно, доминировал политический (гражданский) национализм. Грузинский политолог Гиа Нодиа полагает, что «у грузин нет одной конкретной модели для подражания – нет близкой в культурном отношении страны, служащей в качестве образца для копирования (чем для Азербайджана, вероятно, является Турция). Можно сказать, что в качестве образца для подражания для Грузии выступает Европа в целом, хотя следует отметить, что моделью является скорее европейское национальное государство, а не Европейский союз» [18, с. 52]. Подобный националистический дискурс имеет преимущественно политические основания, будучи тесно связанным с развитой традицией грузинского культурного и политического окцидентализма.

В условиях восстановленной политической независимости и демократического транзита в 1990-е годы, периода, по словам белорусского политолога Микалая Сяменавы (Николая Семёнова), «завершения советского» [19, с. 81], роль политических трендов в рамках грузинского националистического дискурса постепенно сокращается, а сам национализм становится более радикальным и этническим, конструируется образ врага, связанный с межэтническими и политическими конфликтами, порожденными как сепаратистскими режимами в Абхазии и Южной Осетии, так и националистическими амбициями грузинских элит. Этнический национализм, начиная с конца 1980-х гг., определял развитие грузинского националистического дискурса в целом. Функционирование этнических трендов было связано с развитием так называемых «осетинских» и «абхазских» нарративов, призванных описать антигрузинские политические тактики и стратегии, якобы изначально характерные для осетин и абхазов [20]. Грузинский национализм начал трансформироваться в ярко выраженный этнический в 1990 г., то есть до распада СССР. Начало 1990-х гг. в Грузии совпало с ростом антиабхазских и антиосетинских настроений, с идеологическим и организационным ренессансом грузинского национализма как такового.

Грузинский национализм в независимой Грузии 1990-х гг. развивался как сложный и многоуровневый феномен. Современная грузинская идентичность, характерная в общих чертах и для Грузии начала 1990-х гг., имеет ряд оснований. Вероятно, грузинскость основана на культивировании грузинского этнического мифа (общность грузинской крови, грузинского происхождения, общность и единство грузинской земли). Немаловажным фактором, унаследованным от советского периода с его тенденциями к денационализации и сокращению роли национальных языков в союзных республиках, является грузинский язык, который в Грузинской ССР и позднее в независимой Грузии стал формой причастности/принадлежности к политической элите. В качестве вероятного третьего фактора, который способствовал на протяжении 1990-х гг. национальной консолидации и сохранению идентичности, можно назвать грузинскую национальную мифологию. Эти три принципа (грузинский этнический, точнее – этнополитический, миф, грузинский язык и грузинский политический миф) в различной степени лежали в фундаменте гру-

зинского политического национализма, на противоположном полюсе к которому находится этнический грузинский национализм, основанный на мифе о Грузии как жертве агрессивных соседей и коварных представителей национальных меньшинств, сепаратизм которых поддерживается извне. В условиях развития в 1990-е гг. грузинского национализма в условиях доминирования тенденций к его последовательной фрагментации в дальнейшем изучении нуждаются как политические, так и радикальные течения, которые оказали значительное влияние на более позднее развитие Грузии в 2000-е гг.

Ссылки:

1. Калхун К. Национализм. М., 2006.
2. Гачечиладзе Р. Становление новой Грузии: плюсы и минусы географических факторов // КРИ. 1997. Т. 3. № 1. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/03_03R.htm
3. Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutionalist Account // TS. 1994. Vol. 23. № 1. P. 47-78.
4. Коппитерс Бр. Грузино-абхазский конфликт // Европеизация и разрешение конфликтов. Конкретные исследования европейской периферии / ред. Бр. Коппитерс. М., 2005. С. 197-236.
5. Сюни Р.Г. Живя с другими народами: конфликт и сотрудничество между кавказскими народами // КРИ. 1997. Т. 2. Вып. 1. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/R02-006.html>
6. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь: международный философский журнал. 1992. № 1.
7. Нодиа Г. Грузия: измерения уязвимости // Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз» / ред. Бр. Коппитерс, Р. Легволд. Кембридж (Массачусетс), 2005.
8. Isensee J. Nacija kao političko jedinstvo // PM. 1999. Vol XXXVI. Br. 4.
9. Эйвс Дж. Политика, партии и президенты в Закавказье. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/caucasus/aves.htm>
10. Сюни Р.Г. Живя с другими народами: конфликт и сотрудничество между кавказскими народами // КРИ. 1997. Т. 2. Вып. 1. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/R02-006.html>
11. Janjić D. Država i etnička manjina // PM. 2000. Vol XXXVII. Br. 3.
12. Doorenspleet R., Mudde C. Upping the Odds: Deviant Democracies and Theories of Democratization // Democratization. 2008. Vol. 15. № 4. P. 815-832.
13. Сіліцкі В. Адкладзеная свабода: Посткамуністычны аўтарытарызм у Сэрбіі і Беларусі. URL: <http://arche.bymedia.net/2003-3/sili303.html>
14. Цюрхер Кр. Грузия: время бедствий (1989–1993 гг.).
15. Сюни Р.Г. Живя с другими народами: конфликт и сотрудничество между кавказскими народами // КРИ. 1997. Т. 2. Вып. 1. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/R02-006.html>
16. Легволд Р. Постановка проблемы // Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз» / ред. Бр. Коппитерс, Р. Легволд. Кембридж (Массачусетс), 2005.
17. Пирцхалава Н. Интеллектуалы и национальная принадлежность. Являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами? // Этнические и региональные конфликты в Евразии / под общ. ред. А. Малашенко, Б. Коппитерса, Дм. Тренина. М., 1997. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. С. 183-196.
18. Нодиа Г. Грузия: измерения уязвимости // Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз» / ред. Бр. Коппитерс, Р. Легволд. Кембридж (Массачусетс), 2005.
19. Дэсаветызацыя – магчымасці і канцэптуальныя рамкі. Дыскусія «Палітычнай сферы» // Палітычная сфера. 2007. № 9.
20. მარიამ ლორთქიფანიძე აფხაზები და აფხაზეთი გამომცემლობა. – თბილისი, 1990.